

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ОТ ЯЗЫКА НАРОДНОСТИ К НАЦИОНАЛЬНОМУ ЯЗЫКУ

Библиографическая справка

В трудах классиков марксизма-ленинизма и особенно в трудах И. В. Сталина по национальному вопросу и по вопросам языкознания определены основные общественные закономерности и основные типы образования национальных языков. Однако до сих пор у нас нет еще работ, посвященных всестороннему конкретно-историческому исследованию процесса перехода того или иного языка от языка народности к национальному языку в связи с историей народа. В исследованиях этого типа должны быть раскрыты и объяснены связанные с образованием национального языка в данных исторических условиях изменения в словарном составе, в грамматическом строе соответствующего общепародного языка, а также в его отношениях к диалектам, в сфере его общественного функционирования, в системе его жанров и стилей. Само собой разумеется, что при разнообразии конкретно-исторической обстановки складывания наций и национальных языков в разных странах, у разных народов и при разнообразии внутренних законов развития, свойственных отдельным языкам, не может быть единого отвлеченного трафарета решения этого вопроса.

В труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» есть прямые указания на то, что при переходе языка от языка народности к национальному языку мы имеем дело не только с расширением функций народного языка в силу изменений общественной сущности народа — его творца и носителя, но и с **р а з в и т и е м** языка в марксистском понимании этого термина: «...с появлением капитализма, с ликвидацией феодальной раздробленности и образованием национального рынка, — указывает И. В. Сталин, — народности развились в нации, а языки народностей в национальные языки»¹. И в другом месте того же труда И. В. Сталин говорит о том, что образование наций и национальных языков относится к числу тех общественных событий, которые вносят большие изменения в язык и его развитие.

Отметив значение для развития языка таких общественных явлений, как рост производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, еще более нуждавшейся в упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы, И. В. Сталин продолжает: «За это время племена и народности дробились и расходились, сжишались и скреплялись, а в дальнейшем появились национальные языки и государства, произошли революционные перевороты, сменились старые общественные строи новыми. Все это

¹ И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 13.

внесло еще больше изменений в язык и его развитие»². И тут же И. В. Сталин подчеркивает, что на протяжении всего этого времени «...развитие языка происходило не путем уничтожения существующего языка и построения нового, а путем разворачивания и совершенствования основных элементов существующего языка»³. Необходимо вспомнить в этой связи слова И. В. Сталина из его работы «Национальный вопрос и ленинизм» — о том, что элементы нации, в их числе и язык, «...не с неба упали, а создавались исподволь...»⁴, т. е. в течение веков.

Таким образом, процесс формирования национального языка на основе языка народности связан с изменениями в данном языке и его развитии. Характер этих изменений, определяемых внутренними законами развития языка, неоднороден в разных языках. Сюда присоединяется и то обстоятельство, что в процессе образования нации может произойти смещение диалектной базы национального языка по сравнению с языком народности, как это было, например, при формировании национального русского языка. Проф. Р. И. Аванесов в рецензии на «Русскую диалектологию» проф. П. С. Кузнецова пишет по этому поводу: «...существенно различалась и диалектная основа языка великорусской народности, с одной стороны, и русского национального языка — с другой: если первый в своей основе был ориентирован по преимуществу на диалекты Ростово-Суздальской земли, в состав которой входила и Москва, хотя он и развивался под ведущим воздействием южных говоров, то второй — на диалекты южновеликорусские и прежде всего курско-орловский. Недаром развитие русского языка в XV—XVIII вв., как оно представляется нам по памятникам центральных областей, заключается прежде всего в освоении многих южновеликорусских особенностей (начиная с аканья) — главным образом новообразований, в связи с чем соответствующие прежние общенародные формы превращались в северновеликорусские диалектизмы»⁵. Несомненно, что в этой общей картине развития русского общенародного языка за XV—XVIII вв. много неясного (ср. хотя бы характеристику развития языка народности, ориентированного на ростовско-суздальские диалекты — при ведущем воздействии южных говоров; неопределенное указание на «освоение» южновеликорусских «новообразований» как основу развития национального языка и т. д.). Но нельзя возражать против той мысли, что процесс образования национального русского языка был связан со значительными изменениями в звуковом строе, словарном составе (и его базе — основном словарном фонде) и грамматической структуре (ср., например, развитие аканья, закрепление окончаний *-ам*, *-ям*, *-амь*, *-ямь*, *-ах* *-ях* во всех типах склонения множ. числа сущ., постепенное распространение форм им. пад. множ. числа сущ., мужск. рода на *-а*, отбор и рост безличных конструкций, создание новых видов предложных словосочетаний и т. п.). Во всяком случае, было бы странным предположение, что длительный и важный процесс образования наций и национальных языков сопровождался застоем в развитии структуры языка.

В недавно появившейся дискуссионной статье И. М. Ионенко «Преобразование курско-орловского диалекта в основу русского национального языка» («Вопросы истории», 1952, № 7) процесс образования языка русской (великорусской) народности и развития его в национальный язык изображается совсем непохоже на то, как этот процесс представляется Р. И. Аванесову. Однако и И. М. Ионенко предполагает наличие сложных и значительных изменений в русском языке, связанных с формированием

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 27.

³ Там же.

⁴ И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 336.

⁵ «Советская книга», М., 1952, № 6, стр. 94.

нации и национального языка. По словам И. М. Ионенко, «в России ко времени образования централизованного государства на основе одного из древнерусских диалектов сложился язык русской народности, а примерно с XVII в. этот язык народности стал развиваться в национальный язык» (стр. 90). Какой же диалект лег в основу языка великорусской народности? По мнению И. М. Ионенко, основой великорусского языка не могли быть диалекты Владимиро-Суздальской земли, где население в языковом отношении было чрезвычайно пестрым. «Там не было преобладавшего над другими прочного и устойчивого диалекта, на основе которого мог бы развернуться процесс складывания языка народности» (стр. 91).

Следовательно, вопреки традиционному мнению, поддерживаемому проф. Р. И. Аванесовым, И. М. Ионенко утверждает, что язык великорусской народности не мог быть «ориентирован» на диалекты Ростово-Суздальской земли. Не могли быть его базой и говоры Новгородской земли, «где окрестное крестьянское население было разноречным и в значительной степени неславянским, где и в городе звучала разная речь» (стр. 91). И. М. Ионенко полагает, что в основу языка великорусской народности легла речь крестьянского населения Северщины и верхнего течения Оки; эта речь определила московский говор, подчинивший себе другие местные диалекты (Новгорода Великого, Владимиро-Суздальского края и др.) (стр. 95). Язык великорусской народности (ее основного ядра — московского центра) в основном сложился в XV в. Необходимо в связи с этим вспомнить, что особенную роль рязанских говоров в процессе сложения языка Москвы подчеркивал проф. А. М. Селищев (а раньше его — в очень своеобразном освещении — проф. Е. Ф. Будде). Однако развиваемая И. М. Ионенко гипотеза о том, что язык великорусской народности складывался в XII—XV вв. на основе юго-восточных акающих говоров, восходящих к племенным диалектам вятичей и северян, не может быть в настоящее время подтверждена вполне убедительными свидетельствами истории русского языка и не только потому, что, как справедливо заявляет И. М. Ионенко, «внимание лингвистов-диалектологов было обращено главным образом на вопросы звуковой системы русского языка» (стр. 89).

Многие факты истории грамматического строя и словарного состава русского языка XIV—XV вв. говорят о тесной связи языка русской народности с северо-восточными и среднерусскими говорами (ср. язык московских грамот XIV—XV вв.). Поэтому мнение И. М. Ионенко о том, что юго-восточные диалекты сыграли решающую роль в формировании и языка великорусской народности и языка русской нации, должно быть признано в высшей степени сомнительным и односторонним. Впрочем, И. М. Ионенко решительно подчеркивает, что «курско-орловская речь», которая, согласно указанию И. В. Сталина, легла в основу русского национального языка, «не может быть приравнена к диалектам Северщины и верховьев Оки» (стр. 95). По словам И. М. Ионенко, «курско-орловский диалект возник в XVII в., когда Курско-Орловский край уже имел густое и устойчивое население. Этот диалект сложился на основе разговорной речи местного населения и населения, переселившегося из соседних, расположенных к северу и северо-западу от него районов, то-есть того населения, говоры которого наши диалектологи обычно определяют как среднерусские, или умеренно акающие» (стр. 98).

Несмотря на то, что в представлении И. М. Ионенко языковое творчество районов, лежавших к югу от Москвы, определяло московскую «речь» как в период возникновения русской народности, так и в период формирования русской нации, И. М. Ионенко решительно настаивает на значительных отличиях национального русского языка и его диалект-

ной базы по элементам их качества от языка великорусской народности. «Интенсивность процесса языкового творчества в Курско-Орловском районе, — пишет об этом в очень общей форме И. М. Ионенко, — выражалась, очевидно, в сравнительно быстром росте словарного состава языка, в более активном развитии морфологических и синтаксических особенностей, в складывании и развитии характерной для русского языка звуковой системы» (стр. 99).

Таким образом, при всей противоречивости и явной необоснованности общих выводов о ходе процесса складывания языка великорусской народности, при отсутствии полной исторической картины развития русского национального языка на основе курско-орловского диалекта, — все же наши историки и диалектологи, пытающиеся подойти к решению этих вопросов с запасом некоторого конкретно-исторического материала, приходят к правильному убеждению в том, что развитие национального языка было связано с накоплением новых элементов качества языка.

Между тем некоторые языковеды, механически восприняв марксистский тезис о медленных изменениях грамматического строя и основного словарного фонда, склонны отрицать вообще всякие отличия в структуре национального языка от языка народности.

Кроме мнения проф. Г. Д. Санжеева по этому вопросу, вызвавшего справедливые протесты проф. Р. А. Будагова и В. Н. Ярцевой (см. «Вопросы языкознания», 1952, № 4, стр. 113), можно указать на такое же одностороннее и упрощенное суждение И. С. Миллера о процессе развития языка польской народности в польский национальный язык. Он пишет: «Можно отметить ряд отличий между польским языком Рея и Кохановского — единым языком польской народности — и польским национальным языком Мицкевича и Словацкого. Но эти отличия не касаются основы языка — его грамматического строя и основного словарного фонда⁶. Тут мы имеем дело с «противоположным общим местом», порожденным тенденцией как можно сильнее и дальше оттолкнуться от заблуждений так называемого «нового учения» о языке. Так как взгляды «учеников» и приверженцев «теории» Н. Я. Марра на процесс развития национального языка, который они считали классовым языком буржуазии, еще не были предметом критического разбора с позиций сталинского учения о языке, то полезно сгруппировать и разоблачить антимарксистские положения сторонников Н. Я. Марра по этому очень важному вопросу истории языка.

Стремление рассматривать национальный язык как качественно совершенно новую структуру по сравнению с языком народности, а процесс образования национального языка как крутой переход от одного качества языка к другому, как резкое качественное изменение структуры языка и даже как «взрыв» в истории языка имеет свои корни в стадийной концепции Н. Я. Марра и восходит к взглядам некоторых его «учеников». Так как период формирования национального языка связывается с развитием капиталистических отношений в стране, то Н. Я. Марру и его последователям, видевшим в истории языка цепь взрывов, смену разных по своему качеству языковых типов, обусловленную сменой базисов, социально-экономических формаций, казалось естественным, что вместе с поднимающимся капитализмом возникает и новая структура формирующегося национального языка. Воззрение на национальный язык как на качественно новую стацию в развитии того или иного языка, наглядно обнаруживающуюся и в обновлении словарного состава языка, и в по-

⁶ И. С. Миллер, К вопросу о формировании польской буржуазной нации, «Вопросы истории», [М.], 1952, № 7, стр. 53.

вых его грамматических свойствах, особенно ярко в синтаксисе. было выдвинуто проф. Л. П. Якубинским в период его увлечения «новым учением» о языке. Соответствующая точка зрения развивалась проф. Л. П. Якубинским в начале 30-х годов в ряде докладов по вопросам грамматики русского языка, прочитанных им в ленинградских Институте речевой культуры и в Институте языка и мышления. Поддаваясь модному в то время среди «учеников» Марра увлечению стадильным синтаксисом, Л. П. Якубинский связывал образование национального языка со «взрывом», с революцией в структуре предложения. В коллективном ленинградском «Учебнике русского языка» (Л., 1932 г.) была помещена «Историческая справка о сложном предложении», отражающая взгляды Л. П. Якубинского на процесс формирования русского национального языка. С этим процессом тут связывается революционный «взрыв» в области синтаксической структуры языка, а именно: образование новых типов сложного предложения. Эти же идеи развивались Л. П. Якубинским и в особом докладе на Ленинградской конференции педагогов-словесников: «Проблемы синтаксиса в свете нового учения о языке» (Материалы к докладам на Ленинградской конференции педагогов-словесников, Л., 1931, стр. 6—11).

Особенное внимание Л. П. Якубинского привлекла проблема мнимого «стадильного» развития сложного подчинения в русском языке — категории более новой сравнительно с сочинением. По мнению Л. П. Якубинского, в древнерусском языке еще не было развитой и дифференцированной системы подчинительных союзов. Подчинительные союзы здесь были многозначны (например, *яко* — в изъяснительном, следственном, причинном, сравнительном и временном значениях, как показывают наблюдения Е. С. Истриной, изложенные ею в работе «Синтаксические явления в Новгородской I летописи по Синодальному списку»; ср. многозначность *что* — причин., условн., сравнит., следств.; *как* и т. п.).

Развитие сложноподчиненной конструкции, как полагал Л. П. Якубинский вслед за А. А. Потебней, шло двумя путями: или путем преобразования сложносочиненной конструкции (вводом союза), или путем использования и преобразования причастных оборотов.

Однако главным оказался первый путь, потому что он давал возможность посредством постановки союзов с их дальнейшей дифференциацией и специализацией выразить самые разнообразные оттенки зависимости между предложениями. Этот процесс, по представлениям Л. П. Якубинского, пережил взрыв-скачок, резкое качественное преобразование в период формирования национального русского языка.

Синтаксические теории Л. П. Якубинского, как и многие другие его идеи, еще до опубликования их в печати оказали влияние на разработку проблем исторического синтаксиса как русского, так и западноевропейских языков и даже языков других систем среди молодых ученых, примыкавших к вульгарно-социологической «теории» Н. Я. Марра.

Так, Т. В. Строева-Сокольская в своей диссертации «Развитие сложноподчиненного предложения в немецком языке» (Л., 1940), написанной под явным влиянием стадильно-синтаксических идей Л. П. Якубинского, заявляет: «В советской лингвистике принципиальный вопрос о возникновении сложноподчиненного предложения, о стадильном развитии синтаксиса на базе развития общественных отношений был впервые выдвинут проф. Л. П. Якубинским (1931 г.) в синтаксической бригаде Ленинградского научно-исследовательского института языкознания (б. ГИРК). Вопрос этот разработал на специальном материале проф. А. П. Рифтин в докладе на пленуме Института языкознания (ЛНИЯ) в мае 1935 г.: «О двух путях развития сложного предложения в аккадском языке». А. П. Рифтин устанавли-

ливаает два пути создания сложного предложения: первым является развитие сложноподчиненного предложения на базе соединения более простых предложений, на базе сочинения; вторым путем развития является развитие подчиненного предложения внутри простого предложения, из элементов его (причастных, деепричастных, инфинитивных конструкций). А. П. Рифтин признает, что ведущим для флективных языков является первый путь, для языков же агглютинирующих и инкорпорирующих — второй⁷.

Точно так же В. Н. Ярцева признает зависимость своей работы «Развитие сложноподчиненного предложения в английском языке» (Л., 1940) от тех же стадийально-синтаксических взглядов Л. П. Якубинского. Она пишет в предисловии: «Вопрос о развитии сложноподчиненного предложения в связи со становлением национального литературного языка был в советской лингвистике впервые поставлен проф. Л. П. Якубинским в ряде его докладов в Ленинградском научно-исследовательском институте языкознания. Позднее, в том же Институте, некоторыми научными работниками и аспирантами разрабатывались отдельные частные вопросы сложноподчиненного предложения на материале различных языков. Можно назвать работы: Э. И. Каратаевой „Временное предложение в русском языке по материалам Петровской эпохи“ (рукопись); Т. В. Сокольской „Развитие подчиняющих союзов в немецком языке“ (рукопись); А. П. Рифтина „О двух путях развития сложного предложения в аккадском языке“⁸.

Таким образом, навеянная антимарксистской концепцией Марра тенденция непосредственно связывать грамматическое развитие языка со сменой социально-экономических формаций выразилась в попытках найти коренные сдвиги в истории сложного предложения и приурочить их к эпохе зарождения капиталистических отношений и формирования национального языка. Взгляды Л. П. Якубинского были восприняты и развиты проф. В. М. Жирмунским.

В работе «Развитие строя немецкого языка» В. М. Жирмунский писал: «Эпохи больших исторических сдвигов, обозначавшие ломку общественных отношений и существенную перестройку в области идеологии, выдвигаются как поворотные пункты и в развитии языка: напр., переход от родового строя к феодальному, связанный с развитием клерикальной культуры и усвоением наследия латинской церковной письменности (древнегерманский период. VIII—X вв.), и начальная стадия разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений — эпоха развития бюргерской литературы, гуманизма и реформации и зарождения новонемецкого национального языка (XIV—XVI вв.). К этому последнему этапу, в основном определившему грамматическую структуру современного новонемецкого литературного языка, мы отнесли развитие предложения в его наиболее сложных логических формах, грамматизацию системы спряжения с помощью вспомогательных глаголов с объективным будущим, относительными временами, развитым страдательным залогом и условным наклонением, развитие развернутой системы сложноподчиненного предложения, в особенности — дифференцированных союзов логического подчинения (и сочинения) — причинных, следственных, целевых, уступительных и, наконец, как явление синтаксического синтеза — установление прочного порядка слов. Крестьянские диалекты, не претерпевшие большинства этих изменений, в значительной степени

⁷ Т. В. Строева-Сокольская, Развитие сложноподчиненного предложения в немецком языке. Л., 1940, стр. 5.

⁸ «Советское языкознание», т. III, Л., 1937 стр. 59—67.

сохранили пережиточные формы синтаксического строя, характерные для более ранних стадий общественного развития»⁹.

И в другом месте той же работы: «Развернутая система логических форм подчинения, существующая в современном немецком литературном языке, складывается в раннем новонемецком, в эпоху образования национального языка (XIV—XVI вв.) и продолжает развиваться в последующие столетия. На этой стадии возникает множество подчинительных союзов, позволяющих дифференцировать всевозможные логические связи и отношения: условные — falls (в случае если), insofern, soweit (поскольку); уступительные — obgleich, obwohl, obschon (хотя), trotzdem dass (несмотря на то, что); целевые — um, um zu, damit (чтобы); следственные — so dass (так что); временные — während, in dem (в то время как), so oft als (всякий раз когда), sobald als (как только) и мн. др. В то же время устанавливается особый порядок слов придаточного предложения и регламентируется употребление конъюнктива, как признака подчинения.

В новонемецкую эпоху соответственно осложняется и система сочинения. Рядом со старыми простейшими союзами соединения и противопоставления (mhd. unde, ouch, oder, doch, aber — в значении «еще раз», позже — «но», и немн. др.) дифференцируются всевозможные формы противоположения, ограничения, исключения и причинно-следственных отношений, выраженных новыми союзами — напр., allein (однако), dagegen (напротив), dennoch (все-таки), sogar (даже), nichtsdestoweniger (тем не менее), ausserdem (кроме того), demnach (итак), deshalb, deswegen, darum (поэтому), folglich (следовательно) и др.»¹⁰.

В этой своей работе В. М. Жирмунский так характеризовал марристские методологические основы своей историко-грамматической концепции: «Язык, как всякая идеология и как форма других идеологий, отражает в своем развитии познание объективной действительности на основе общественной практики и является в то же время орудием воздействия на эту действительность. Грамматико-синтаксический строй языка, рассматриваемый в его стадияльном развитии, входит таким образом в единый глоттогонический процесс, который является частью общего процесса социального развития человечества»¹¹.

⁹ В. М. Жирмунский, Развитие строя немецкого языка, «Известия АН СССР, Отд-ние обществ. наук», 1935, № 4, стр. 402. Ср. статью Т. Сокольской «Сложноподчиненное предложение в немецком языке» в сб. «Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении», Л., Учпедгиз, 1935.

¹⁰ В. М. Жирмунский. Указ. соч., стр. 391—392.

¹¹ Там же, стр. 354. В своей последней статье «Образование и развитие национальных языков в свете учения Ленина — Сталина о нации» («Иностранные языки в школе», 1952, № 4) В. М. Жирмунский, совсем не упоминая своих прошлых работ и своих прежних взглядов по вопросу о развитии национального языка, высказывает целый ряд совсем иных соображений о путях и закономерностях перехода от языка народности к языку национальному.

«По сравнению с национальным языком, возникающим в процессе исторического развития буржуазного общества, — пишет В. М. Жирмунский, — язык народности обнаруживает гораздо более значительные местные различия — в соответствии с общей слабостью экономических, политических и культурных связей между феодальными территориями, характерной для периода феодальной раздробленности» (стр. 15). Далее: «Существенное различие между языком народности и позднейшим национальным языком касается общественных функций языка, в особенности — его письменного употребления... Национальный язык... является одновременно и разговорным и письменным, и языком частного, бытового общения между людьми, и вместе с тем языком публичной речи, устной и письменной, во всем многообразии ее употребления: в государственной и общественной жизни, в торговых сношениях, в науке и литературе» (стр. 16).

Что касается качественных различий в структуре между языком народности и национальным языком, то теперь В. М. Жирмунский готов односторонне свести их только к изменениям словарного состава, к его развитию, о развитии же грамматиче-

Очевидно, что и в основу работ Т. В. Сокольской и В. Н. Ярцевой по синтаксису сложного предложения в его развитии легли те же антимарксистские, ошибочные мысли, тесно связанные с идеей Н. Я. Марра о многозначности или семантической диффузности союзов подчинения на ранних стадиях развития языка (об этом писал Н. Я. Марр, характеризуя древнегрузинский язык). Эта же мысль нашла отражение и в работах В. М. Жирмунского: «Липы постепенно из многозначных союзов с конкретным (пространственно-временным) значением развиваются и дифференцируются союзы логического подчинения, служащие для обозначения причины, цели, следствия, условия и т. п. Массовое образование таких союзов, свидетельствующее о развитии логического мышления и средств его выражения в языке, падает на эпоху возникновения национального литературного языка, в Западной Европе, на XIV—XVI века, т. е. на период начинающейся ликвидации средневековых общественных отношений и средневекового мышления. Немецкий, французский, английский языки развиваются в этом отношении совершенно параллельно. При этом английский язык широко пользуется, наряду с союзным подчинением, особыми формами номинальных конструкций, возможными лишь в условиях полиморфизма слова, характерного для развитого аналитического строя»¹².

Естественно, что эта стадийная точка зрения на историю языка, как на смену языковых систем, обусловленную сменой социально-экономических формаций, переносится и в область изучения исторического синтаксиса русского языка¹³.

Как глубоко въедаются в сознание ученых старые взгляды и как упорно сохраняются их пережитки даже в новом идеологическом окружении, показывает докторская диссертация Э. П. Каратаевой «Союзное подчинение в литературном языке второй половины XVII столетия (из истории образования сложного предложения в национальном русском литературном языке)»¹⁴. Несмотря на то, что Э. П. Каратаева в этой работе исходит из основных положений сталинского учения о языке и о закономерностях образования национальных языков, она все же не раз сбивается на свои старые позиции, которые она как ученица Л. П. Якубинского отстаивала больше десяти лет назад в кандидатской диссертации, посвященной анализу развития сложных предложений с союзами времени по материалам языка Петровской эпохи. Она упорно рассматривает сложное предложение в русском языке как «категорию национального языка», утверждая, таким образом, резкое и внезапное качественное изменение русского синтаксического строя, порожденное развитием капиталистических отношений и процессом складывания национального русского языка.

Вот несколько относящихся сюда цитат из автореферата докторской диссертации Э. П. Каратаевой: «Переход к новой структуре сложноподчиненного строя он упрощает. По словам В. М. Жирмунского, «расширение сферы употребления общенародного языка способствует его дальнейшему обогащению, частично за счет вытесняемых «официальных» письменных языков. Словарный состав языка, «как наиболее чувствительный к изменениям» (И. Сталин, Марксизм и вопросы языковедения, Госполитиздат, 1951, стр. 24), пополняется новыми словами, возникшими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п.» (там же, стр. 25). В этом смысле, — заключает В. М. Жирмунский, — национальный язык отличается от языка народности, из которого он развивается, не только сферой своего распространения, но также качественными изменениями, неразрывно связанными с развитием общества» (стр. 18).

¹² В. М. Жирмунский. Итоги изучения романских и германских языков в СССР за двадцать лет. «Известия АН СССР, Отд-ие обществ. наук», 1937, № 5, стр. 1242—1243.

¹³ Ср. Н. А. Спирничак. Синтаксические конструкции Судебника Ивана Грозного, «Ученые записки Ленингр. гос. педагогического ин-та им. Герцена», т. XX, 1939, стр. 107, 114—115.

¹⁴ См. автореферат этой диссертации (Л., 1951. Ин-т языковедения АН СССР).

чиненного предложения, как будущей категории национального литературного языка. осуществляется средствами союзного наречия *когда*, которое в конце XVII столетия начинает быть всеобщим, хотя еще и не господствующим, временным союзом» (стр. 25, разрядка наша. — *Ред.*).

«В памятниках древней письменности наречия *едва*, *лишь* и др. в функции временных союзов встречаются редко. Их союзная функция в исследованном материале служит выражением специфических качеств нового литературного языка, в котором, по мере развития употребления сложных предложений, союз должен выражать не только характер подчинения, но и оттенок его значения» (стр. 27, разрядка наша. — *Ред.*).

Создание национального языка непосредственно связывается в этой работе с образованием новых грамматических форм в области синтаксиса:

«Грамматическими формами, которые делают шаг вперед по пути создания национального литературного языка, являются союзы *если*, *если*» (стр. 29).

Любопытны заявления автора о том, что глагольное происхождение условных союзов *будет-буде*, уступительного союза *хотя* «противоречит общепринятой основе национального литературного языка» (стр. 30).

Правда, иногда Э. И. Каратаева под влиянием трудов И. В. Сталина пытается связать «бурное» развитие форм сложного предложения в XVII—XVIII вв. с действием внутренних законов развития национального языка, но в чисто декларативном плане. Она пишет: «Полное и всестороннее развитие подчинительных конструкций является одной из специфических черт национального литературного языка... Подчинительные конструкции, первоначально выражающиеся в неустойчивых, противоречиво-различных, несобственных еще формах, в национальном литературном языке по внутренним законам своего развития приобретают специфические, строго дифференцированные формы, которые стабилизируются и, выступая в различных жанрах речи, делаются всеобщей грамматической категорией» (стр. 6).

«В „новый период“ развития русского литературного языка получают распространение те синтаксические формы, которые станут специфической принадлежностью национального русского литературного языка, в частности, интересующие нас новые формы подчинительных союзов: *когда*, *пока*, *если*, *если*, *хотя*, *потому что*, *чтобы* и др.» (стр. 34) ¹⁵.

Кроме того, Э. И. Каратаева объясняет качественное преобразование русского языка в период формирования нации новым содержанием, которое вливается в его лексический состав и в синтаксический строй. Но как это «новое содержание» могло повлиять на качественные сдвиги в синтаксическом строе русского языка второй половины XVII в. — это у Э. И. Каратаевой остается не разъясненным. Она заявляет: «Новый литературный язык отличается новым содержанием, что сказывается на его лексическом составе и частично на синтаксическом строе. Это находится в связи с появлением новой литературы, разнообразной по форме и содержанию» (стр. 4—5, разрядка наша. — *Ред.*).

Отголоски «злоупотребления семантикой», понимания языка как идеологической надстройки и увлечения стадийно-синтаксической концепцией Л. П. Якубинского в этих рассуждениях очень слышны ¹⁶.

¹⁵ Ср. тут же характерную, но противоречащую всему изложению оговорку: «Новыми они являются условно, потому что в том или ином виде известны были общенародному языку уже давно, но находились до времени как бы под спудом, пользуясь или в иной функции, или составляя нижнее течение его развития...» (стр. 34).

¹⁶ Трудно не поставить в связь со стадийно-синтаксической концепцией проф. Л. П. Якубинского и с влиянием взглядов В. М. Жирмунского такие рассуждения

Из всего изложенного ясно, как актуальны и важны для нас годично исторические исследования процессов становления и развития национальных языков, основанные на сталинском учении о языке и нации, о внутренних законах развития языка и опирающиеся на тщательно систематизированный конкретно-исторический материал того или иного языка, изучаемый в неразрывной связи с историей народа.

В истории русского языка изучение процесса развития языка народности и образования национального языка органически связано с историческим исследованием курско-орловского диалекта, который, согласно указанию И. В. Сталина, лег в основу формирующегося языка русской нации. Само собою разумеется, что гораздо глубже должны быть исследованы те фонетические, морфологические и синтаксические, а также лексические явления в их развитии, которые определили структуру языка великорусской народности. Между тем история развития русского грамматического строя, а тем более основного словарного фонда и словарного состава вообще с XI по XVIII в. остается во многом очень неясной. Она еще не изучена даже в главных своих закономерностях. Правда, исследователи исторической морфологии русского языка (например, Б. Унбегаун, С. Д. Никифоров и др.) приходят к выводу, что система современного именного и местоименного склонения и система современного глагольного спряжения с соответствующими грамматическими категориями, относящимися к этим частям речи, к середине XVI в. в основном сложились. Однако конкретно-исторические процессы закрепления и нормализации отдельных форм склонения существительных и прилагательных (например, форм им. пад. множ. числа сущ. среднего рода — не под ударением, им. пад. множ. числа сущ. мужского рода на -а, твор. пад. множ. числа на -ами, -ями в склонении слов мужского и среднего, формы род. пад. ед. числа женск. рода имен прилагательных и др.), а также форм глагола (например, инфинитива, дееспричастия, повелит. наклонения и др.) с древнейшей поры до начала XVIII в. остаются по памятникам не исследованными. Точно так же еще очень много спорного и неясного в истории развития многих важных грамматических категорий, например, таких, как категория собирательности имен существительных, категории залога, времени и вида глагола. Несомненно, что особенно значительны и многообразны были процессы развертывания и совершенствования синтаксического строя русского языка — и притом не только в период от XIV по конец XVII в., но и в XVIII—XIX вв., однако и тут конкретно-исторических исследований и обобщений еще очень мало. История развития форм и типов словосочетаний в русском языке является до сих пор областью почти совсем неизвестной. Выдвинутая трудами И. В. Сталина проблема основного словарного фонда в его развитии еще не получила глубокой конкретно-исторической разработки в русском языкознании. Таким образом, перед языковедами-русистами, стремящимися уяснить развитие русского языка от языка народности к языку национальному, — непочатый край серьезной и важной исторической работы. Плодотворное и быстрое решение этих важных, коренных проблем истории русского языка во многом зависит от сотрудничества, от коллективных усилий языковедов и историков в этой области исторического исследования.

Н. М. Александрова в автореферате диссертации «К вопросу о сочинении и подчинении предложений» (Л., 1951): «...гипотаксис это — полная связь между предложениями, являющаяся выражением тесной связи между мыслями. Общественными условиями его развития были: вызвавший отделение города от деревни рост товарно-денежного хозяйства, развитие обмена и внутреннего рынка, а тем самым и усложнение деловых связей отдельных членов общества друг с другом...» (стр. 19).